Фольклор Майкла Джекобсона

ЛИНА МАРКОВА, ЛИДИЯ ДЖЕКОБСОН, АНДРЕЙ БРОЙДО

Для цитирования статьи:
Маркова, Л., Джекобсон, Л., Бройдо, А. (2020). Фольклор Майкла Джекобсона. *Фольклор и антропология города*, *III*(3–4), 320–335. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-320-335.

Michael Jakobson's folklore

Lena Markova, Lidia Jakobson, Andre Broido

To cite:
Markova, L., Jakobson, L., Broido, A. (2020). Michael Jakobson's folklore. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(3–4), 320–335. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-320-335. (In Russian).

Майкл Джекобсон (Михаил Львович Якобсон, 1939–2019) был человеком необычной и парадоксальной судьбы. Он был веселым и сильным, стилягой и поэтом, заключенным и профессором. Он был одним из тех, кто по-разному боролся за свою свободу и писал об этом стихи и песни. Он изучил советские тюрьмы и лагеря от мельчайших деталей личного опыта до процессов государственного масштаба, от работы на лесоповале до истории и фольклора. Он был гуманитарием, на полжизни связанным с Кремниевой долиной.

М. Л. Якобсон известен как автор трех книг: исследования «Происхождение ГУЛАГа» [Якобсон 1993], повести о побеге из лагеря «Карзубый» [Якобсон 1983] и собрания «Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник» [Джекобсон, Джекобсон 1998, Джекобсон, Джекобсон 2001; Джекобсон, Джекобсон 2014[1]] с огромным текстовым материалом и комментарием. Попробуем и мы отразить разные грани его таланта и дополнить краткую биографию Михаила Львовича как историка и фольклориста[2] воспоминаниями о нем как о поэте и друге, сверенными с документами и его рассказами, оставшимися в нашей памяти.

[1] В переработанном однотомном издании 2014 года книга называется «Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник».

[2] См. [Неклюдов 2020].

Семья

Михаил Львович родился 4 марта 1939 года в Москве в семье историков Александры Тимофеевны Николаевой[3] и Льва Евгеньевича Якобсона. Родители познакомились в Доме красной профессуры. Александра Тимофеевна была специалистом по источниковедению и палеографии, предки с ее стороны — крестьяне-староверы. Отец Михаила — юрист по первому образованию (закончил юридический факультет Харьковского университета), но во второй половине 1930-х годов переучился на историка, чтобы избежать участия в советской судебной системе. Он был человеком энциклопедических знаний, блестящим докладчиком и пропагандистом. По воспоминаниям Галины Серебряковой, Е. В. Тарле высоко ценил его как историка. Дед Михаила по отцу — профессор, до революции преподававший российскую словесность в Берлине и в Одессе, про которого студенты говорили: «Вы не только наш идеолог, вы наш идеалог». После революции в Харькове (тогда — столице Украинской ССР) дед занимался вопросами культуры. Бабушка, Мария Львовна Штрехер, до замужества была оперной певицей (сценическое имя Мария Лисс), приходилась родственницей музыкантам Гнесиным и преподавала в их институте. Среди родственников отца были поэт Семен Надсон, лингвист Роман Якобсон, композиторы Мирон Якобсон и Любовь Штрехер, жена С. М. Кирова Мария Маркус, а среди друзей — писатели Илья Эренбург, Михаил Шолохов и Галина Серебрякова, режиссер Всеволод Мейерхольд.

В конце 1940-х годов отец Михаила Львовича был вызван на допрос в МГБ по линии родственной связи с врагами народа. Пытался покончить с собой, чтобы спасти семью от преследования. На три года его поместили в психиатрическую лечебницу в Казани. На всю жизнь сохранил страх ареста, но считал делом чести добиться восстановления в партии. Когда отец был в Казани, мать в течение двух лет лечилась от рака в больнице, и маленький Миша ходил к ней из школы за несколько километров, чтобы съесть в палате тарелку супа, которую мать оставляла для него, и приготовить там уроки. Из всех невзгод его особенно угнетало отношение соседей по коммунальной квартире, которые присматривали за ним. Они выбросили его стол из общей кухни и, не стесняясь, бурно обсуждали, кому достанется его комната после смерти матери. Когда-то вся квартира принадлежала его прадеду, но в процессе уплотнения родителям досталась только комната в пятнадцать квадратных метров у входной двери. Вот и ее скоро не будет. Он боялся остаться один. Однажды мать, уже после выздоровления, задержалась на работе. Он, не зажигая света, опустился на колени в углу комнаты и молился о ее возвращении. Открыв дверь и увидев сложенные в молитве ладошки сына, она бросилась к нему и пообещала больше не задерживаться. Несмотря ни на что, Миша учился на круглые пятерки и ни разу не пропустил школу, что спасло его от детского дома. Такая ответственность была присуща ему всю жизнь.

Стиляга

В 1956 году Михаил поступил в Историко-архивный институт (ИАИ) и с головой окунулся в студенческую жизнь: серьезные занятия спортом — хоккей,

[3] См. о ней: [Простоволосова 2009], а также статью в «Википедии»: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Николаева,_Александра_Тимофеевна].

бег, первая победа в эстафете в преддверии Международного фестиваля молодежи 1957 года; поездка на целину (уборка урожая в Алтайском крае); вечерние собрания на Маяке — у памятника Маяковскому на Садовом кольце; тусовки по Броду[4] — улице Горького.

Это был расцвет стихийного молодежного движения стиляг. У стиляг были свои отношения, свой сленг, свои песни. Многие из них исполнялись на мелодии американских джазовых композиций, часто сопровождались голосовой пародией на саксофон вместо припева[5]. Популярностью пользовались и песни на английском языке. Считаясь среди своих «королем Маяка», Михаил участвовал в сочинении стиляжьих стихов. Вот образец его (совместного) творчества:

Недавно Ева отдавалась
Бригаде целой кузнецов.
Бригада потом обливалась,
А Ева целкою осталась[6].
Витковский Женя ведь дурак,
Ведь он поэт, но не чувак.
И вот какие измененья
Внесли мы в это сочиненье.

Не зная, право, что и как
Попала Ева на Маяк.
Там, презирая всех плебеев,
Под нос мурлыча рок-н-ролл[7].
Там чувачьё стоит, глазея
На проходящий женской пол.
Полны бушующих страстей,
Стоят чувихи всех мастей.
Тут подхиляли Миша с Сашей
И закадрили Еву нашу
И посадили в клёвый кар
И повезли ее на бар...

Читать следующую за этим «похабщину» он отказался.

Михаил собрал большую коллекцию песен стиляг, а также забавных и не очень забавных историй. К сожалению, его работа «Фольклор стиляг как исторический источник» осталась незавершенной.

Площадь Маяковского была местом встреч творческой молодежи. Там выступали поэты. Там горячо спорили об устройстве общества, свободе, справедливости. Там зарождалось диссидентское движение. Для Михаила, как и для некоторых других диссидентов, этот короткий период закончился печально.

[4] Сокращение от «Бродвей» (Broadway, широкая дорога) — знаменитая улица в Нью-Йорке, которая проходит через Манхэттен.

[5] Этим приемом пользуется, например, Александр Дулов в песне начала 1960-х «Жалобы алкоголика» (стихи Николая Рубцова) [www.youtube.com/watch?v=6MmQWLbShkw].

[6] Возможно, это четверостишие взято из фольклора 1950–1960-х. Например, оно же встречается в стихотворении «Все время целкой оставалась» Юрия Штенникова, опубликованное на сайте авторов-любителей «Стихи.ру» и датированное 1976 годом [stihi.ru/2009/07/13/6798]. В свою очередь, влияние фольклора на этого автора подтверждает его же стихотворение «Поседевшая любовь моя», четверостишия которого отсылают к лагерной песне «На Колыме, где тундра и тайга кругом» [stihi.ru/2020/11/29/5990].

[7] Строка «Под нос мурлыча рок-н-ролл», видимо, тоже фольклорная, например, она встречается в стихотворении Андрея Кайко «Толуол (Я работяга честных правил…)», 2011 [proza.ru/2011/09/02/858].

Самым притягательным и недостижимым местом для большинства московских стиляг был привилегированный ресторан «Центральный» на Броде. Там играли настоящий джаз и выступал легендарный саксофонист Козлов («Козел на саксе»). Почему бы не потратить здесь стипендию? Михаил с другом уютно устроились за столиком. Выпили по рюмочке. И вдруг оркестр заиграл рок-н-ролл. Неведомая сила вынесла их в танцевальный круг. Каждый выдал всё, что знал о фигурах этого акробатического танца. Появление милиции остановило музыку. Другу удалось сбежать. Михаил был препровожден в отделение милиции, где на него (друга он не выдал) был составлен протокол о нарушении общественного порядка: «исполнение западного танца в извращенном виде» (а то как же по-другому — партнером-то был мужчина). «Этому антисоветчику здесь не место!» — кричала ректорша на собрании института. Несмотря на успешную учебу, он был исключен со второго курса, не в последнюю очередь как укор матери, которая была профессором этого института, и в назидание всем остальным. Так с тяжелой руки идеологической машины Михаил, с детства мечтавший повторить подвиг Матросова, превратился в антисоветчика. Как говорится, скажи «медведь», и он явится.

Но беда не приходит одна. В июне того же 1958 года, после казни Имре Надя — одного из лидеров венгерского восстания 1956 года, подавленного советскими войсками, в некоторых странах Запада толпы возмущенных людей выходили к посольствам СССР. Чтобы восстановиться в институте, от Михаила потребовали участия в одной из ответных, якобы стихийных акций, проходивших в Москве перед посольствами этих стран. «Как же можно невинных людей убивать?» — спросил он в толпе. Это подхватили другие. Когда подъехала милиция и потребовала прекратить непредусмотренные выкрики и разойтись, участники, среди которых были случайные и подставные лица, воодушевленные чьим-то порывом, опрокинули легкий милицейский газик. О восстановлении в институте уже не могло быть и речи. Для Михаила началась новая жизнь в лесоповальных лагерях Северного Урала.

Заключенный

В лагере ему помогли выжить физическая сила, безупречная честность и отказ доносить начальству. Однажды при перевозке в поезде он защитил молодых заключенных от угроз старого зэка. Все находились в одном купе. Того возмутило, что ребята угостили охранника, молоденького солдата срочной службы, сигаретой. Михаил пристыдил зэка — мол, молодые, еще не знают законов тюрьмы, тебе со слабыми легко воевать, — за что получил от него удар в спину ножом. Все происходило на глазах у охраны, но Михаил, истекая кровью, не сказал начальству о ножевой ране. А если бы не смолчал, зэк должен был бы получить дополнительный срок; охрана — взыскание, так как просмотрела нож при обыске; солдатик — наказание за неуставные отношения с заключенными.

Первая помощь была оказана на месте, прямо в коридоре вагона. Помогла и его уникальная реакция. Почувствовав прикосновение ножа, он бессознательно резко сдвинул лопатки на спине. Без этого летальный исход был бы обеспечен. Молодые зэчки из соседнего купе за сеткой громко приветствовали его и поднимали юбки в знак благодарности. А благодарить было за что. Прибудь начальство для расследования инцидента, тщательному обыску подвергся бы весь вагон — а у заключенных всегда найдутся хитро припрятанные нелегальные предметы.

На лесоповале Михаила считали одним из лучших работников. Он освоил все технологические операции, начиная от валки деревьев и кончая погрузкой. Из других бригад приходили смотреть, как ловко он обрубает ветки и сучки с поваленных стволов. Говорили: «работает как парикмахер». Но больше всего он гордился работой в бригаде грузчиков — они считались рабочей элитой. В космический век страна использовала в лагерях архаичный метод работы: лошадиную вывозку и ручную погрузку бревен. Никто из вольных не соглашался на такую работу: берегли здоровье. Просто так в погрузку не брали. Для выполнения плана нужны были сильные и ловкие. Бригада заключенных сама подбирала себе работников. От их выработки зависело питание: грузчики имели право на дополнительный паек. А Михаил, по его признанию, очень страдал в лагере от голода. На самом деле, его восхищала работа грузчиков. Он смотрел, как легко они переворачивают тяжелые бревна, поднимают их и грузят в товарные вагоны. Один из грузчиков согласился поработать с ним в паре. Михаил вспоминал, как, испытывая непомерную тяжесть, он боялся не донести первое в его жизни бревно до конца помоста. У него от напряжения и непривычки пошла из носа кровь. Он ждал насмешек за свою слабость. Грузчики молчали. Затем пригласили присесть, дали закурить. Бригадир, наблюдавший за ним, сказал: «Послушай, Москвич (это была его кличка), когда идешь в связке, подогни колени. По существу, ты всю дорогу нес бревно один. Приходи, берем тебя».

Случались и неприятные происшествия. Однажды при погрузке упавшее бревно придавило его. Началось внутреннее кровотечение. Требовалась срочная помощь в больнице. На счастье, в этот день прилетел начальник на вертолете. Он уже собирался возвращаться, как привезли Михаила. «Больному! Срочно! Вертолет!» — приказал он и с чистой совестью остался ночевать у любовницы в поселке.

После возвращения из больницы Михаила направили на легкую работу — библиотекарем. Бригада за время работы не могла найти грузчика на его место. Чтобы вернуть его в строй, они стали брать книги и не возвращать вовремя. Дело в том, что за книгами был в лагере строгий контроль. Заключенные из книжных страниц делали карты. А где карты, там и беспорядки. При очередной проверке библиотеки была обнаружена недостача книг. Михаилу грозило строгое наказание. Когда бригада узнала об этом, то в один день по лагерю были собраны все книги, даже те, которые и не числились за библиотекой. Через два месяца Михаил снова работал на погрузке.

Впоследствии, будучи в эмиграции в Америке, Михаил рассчитывал, в случае невозможности найти работу, устроиться грузчиком у лесорубов, но испытал огромное удивление, когда познакомился с инструментами и техническими средствами, которыми они пользовались (правда, отметил, что для определенных операций русские топоры были лучше). Кроме того, для приема на работу нужно было пройти специальное обучение на платных курсах и получить сертификат.

Однажды в Западной Вирджинии ему удалось последний раз применить свои навыки лесоруба. Он ехал на машине для встречи с коллегой по университету. Одна из улиц была перегорожена большим упавшим деревом. Накануне в городке прошел ураган. Жители рядом обсуждали, как освободить дорогу. Коммунальные службы обещали убрать дерево только через неделю: после урагана было много работы. Михаил вызвался помочь им, попросил топор и бензопилу, за два часа обрубил ветви и разрезал ствол дерева на куски. Жители помогали растаскивать остатки

на обочину. Свой порыв он объяснил так: «Когда я увидел поваленное дерево, я вдруг превратился в ту старую цирковую лошадь, которая начинает шаркать ножкой, услышав звуки музыки».

Был в лагере и курьезный случай. От нехватки витаминов испортились зубы. Из-за боли и невозможности нормально есть Михаил неоднократно просил начальство отправить его к зубному врачу в областной центр. Никакой реакции не последовало: это перерыв в работе, зубная боль — не болезнь, многие маются. Отчаявшись, он решил воспользоваться чеховским сюжетом: написал письмо в Организацию Объединенных Наций, то есть «на деревню дедушке», зная, что оно дальше начальства не пойдет и будет ими прочитано. Подействовало. Укорили, попеняли, как обычно — «Ну зачем же так?» — но в лагерь вызвали зубного техника, который справил ему стальные коронки.

В лагере он самостоятельно выучил немецкий и английский, разработав собственную систему запоминания слов. К концу срока «родители прислали мне пятитомник Шиллера; я прочел все тома от корки до корки и, к своему удивлению, встретил совсем немного незнакомых слов»[8]. А началось со случайности: один зэк, увидев у него переводную книгу, спросил, знает ли он немецкий. Необдуманно ответив «да», Михаил оказался заложником своего слова и должен был срочно освоить язык. Впоследствии он помогал местным чинам писать задания по иностранному языку для заочных институтов.

К этому времени относятся его стихи:

> Ну а если б пахал ты в погрузке,
> Тебя эти глаголы заебли бы.
> Жаль, что ты не сказал им по-русски,
> Wo ist unsere Jugend geblieben?[9]

За это время в разных командировках он получил удостоверение тракториста, обучал заключенных тракторному делу, освоил профессию столяра-кромочника по отделке мебели, работал землекопом, санитаром в лагерной больнице. Участвовал в борьбе с таежным пожаром, за спасение лагеря. Были в его личном деле и сведения о спорах с начальством, неповиновении правилам, заключении в карцер, а также серьезная запись «склонен к побегу» за попытку, случившуюся в самом начале срока, которая не только увеличила срок его заключения, но и привела к назначению усиленного режима. При подвозе на работы кто-то выломал доску в полу вагона. Заключенные стали выпрыгивать на ходу. Отказаться он не мог. Ему показали, как сгруппироваться. Когда один из них замешкался под вагоном — при движении надо было выбрать момент и проскочить между колес, — Михаил пытался ему помочь, но тот велел убегать. Дойдя до ближайшего выселка, он попросился в первый же дом. Хозяин спросил, кто он. Михаил сказал все как есть. Хозяин попросил подождать и привел милицию. «Глупо порезвились — как все, так и я, поддался общему настроению, поезд был тихоходным, кукушка-паровозик, пути подъездные, всех выловили, ЧП не объявляли, начальство за погоны свои больше боялось», — вспоминал он.

Впечатления этих лет вошли в повесть «Карзубый»[10], за сдержанным тоном которой скрывается напряженный, динамичный, местами трагический

[8] См. в [Якобсон 2015–2016: 171].

[9] С немецкого: «Где осталась наша юность?»

[10] См. [Якобсон 1983].

сюжет о нравах и быте как заключенных, так и лагерного начальства. В самые трудные минуты — в карцере, на пути к неминуемой смерти — ее герою помогает песня: «Он все лагерные песни помнил и пел хорошо… Он поднялся и начал ходить по камере, тихо напевая лагерные песни, в которых описываются страдания заключенных (как их расстреливает конвой, морят голодом в изоляторах, заживо хоронят в шахтах, морозят в лесу)»[11].

Освободившийся

После окончания срока Михаил был отправлен на вольное поселение в один из леспромхозов Северного Урала, где ему досталась бригада из сосланных молодых «тунеядцев». Нужно было выполнять план, зарабатывать деньги, платить за жилье. Пришлось работать с теми, кто в жизни тяжелее ножниц в руках ничего не держал, и обучать их. По ходатайству Эренбурга и Шолохова Михаилу было разрешено вернуться в Москву в марте 1966 года. Прошло, в общей сложности с поселением, восемь лет.

И вот он в своей прежней комнате. Мать уже живет в небольшой отдельной квартире, но отец не выписывается к ней. Он сохранял комнату для сына, чтобы по возвращении ему досталось собственное жилье с быстрой пропиской. По существовавшему в то время положению, осужденного выписывали с места жительства. В случае, если все родные уезжали из этого места, жилая площадь передавалась государству и освобожденный должен был искать новое место своего проживания. Чаще всего это были общежития по месту работы.

Михаил так описал свое коммунальное жилье[12]:

Я снова дома. Наступила осень.
Ревет под окнами Садовое кольцо.
Моих соседей ровно двадцать восемь.
У каждого особое лицо.

Один из них рыгает, вечно пьяный,
А слева радио с утра вопит, орет.
Как ртуть, шныряют в кухне тараканы.
Их травят, но ничто их не берет.

Знакомая, привычная картина!
Клопы по стенам ползают кругом.
Облить бы этот гнидник керосином
И сжечь сто лет не ремонтированный дом!

Начинался новый этап жизни. Первое настоящее горе: осенью 1966 года умирает от инфаркта отец, едва дождавшись возвращения сына. Все друзья и сокурсники закончили институты, работают, кто-то завел уже семью, у многих дети. Нужно искать работу. Но со штампом об освобождении в паспорте нелегко ее найти. Он начал работать грузчиком в мясном магазине

[11] См. [Якобсон 1983: 67].

[12] Источником вдохновения послужило стихотворение Саши Черного «Обстановочка» (1909). Ср.: «Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом» — «Ревет под окнами Садовое кольцо»; «И кошка… взволнованно орет» — «А слева радио с утра вопит, орет»; «В столовой тараканы…» — «Как ртуть, шныряют в кухне тараканы».

на Сретенке. Дальше помог случай. Незнакомая женщина подошла к нему на улице и спросила: ты оттуда? Он сразу понял, о чем она, и мотнул головой. Вот тебе адрес, там тебя примут санитаром. Так началась его работа в клинике МОНИКИ (Московский областной научно-исследовательский клинический институт). Про его возможности как переводчика быстро узнали врачи. Он стал переводить для них статьи из медицинских журналов и, оставаясь санитаром, по существу стал переводчиком отдела научной информации. Одновременно делал технические переводы для различных журналов, был внештатным сотрудником ВИНИТИ (Всероссийский институт научной и технической информации). Для подтверждения квалификации закончил курсы немецкого языка. Легко давались ему и переводы со славянских языков. Мать удивлялась: «Ты от своих переводов получаешь больше, чем я с докторской диссертацией».

Надо было думать о высшем образовании. О продолжении обучения в гуманитарных вузах не могло быть и речи: профессия историка в советское время для таких, как он, была закрыта. Все нужно начинать сначала. Несмотря на десятилетний разрыв после окончания школы, он успешно сдает экзамены на заочное отделение факультета вычислительной техники и математических машин только что открывшегося Московского института радиотехники, электроники и автоматики, где учился с 1968 года и до выезда успел окончить без малого три курса.

Отказник

В конце 1960-х в СССР начинается движение за право выезда евреев в Израиль, и Михаил принимает в нем активное участие, а также занимается правозащитной деятельностью. В своей комнате в коммуналке на Садовом кольце он организует курс по изучению иврита. В это время «лица еврейской национальности», подавшие документы на выезд в Израиль и ожидающие решения властей, часто собирались у кого-нибудь на квартире. Темы для разговоров были разные: обсуждение акций протеста и писем с требованиями к власти; как реагировать на многократные отказы в выезде; преследование желающих покинуть СССР — увольнение с работы, всякого рода правовые ограничения и т. д.

По словам Михаила, они также опускали письма в почтовые ящики в домах рабочих автозавода ЗИЛ. Письма были примерно такого содержания: «Мы евреи, хотим уехать, государство только зря тратит на нас нужные вам ресурсы, скажите парткому, чтоб предложили властям выслать нас отсюда к чертовой матери» (последним выражением он пользовался часто).

На одном из собраний в его квартире Михаил впервые увиделся со своей будущей женой Линой Волковой. Обсуждалось письмо в защиту генерала Петра Григоренко. Спорили о том, участвовать в этом или сосредоточиться на проблемах отъезда. Готовились также к демонстрации «отказников» (один из появившихся в это время терминов движения, так же, как «подписанты», подписывающие письма протестов) у здания Приемной Президиума Верховного Совета СССР.

В последние годы Михаил вспоминал о периоде борьбы за выезд так: «Причины моего отъезда были эгоистические. Я боялся, что в СССР не смогу удовлетворить профессиональные стремления из-за моего негативного отношения к существующему там порядку. Я верил, что смогу преуспеть на Западе»[13].

[13] [Якобсон, Косарева 2017–2018: 80].

Мать отказалась эмигрировать с ним, но, зная политические взгляды сына, подписала согласие на его отъезд. «Мне советская власть дала все, — сказала она. — Я воспитывалась в бедной безграмотной семье, а стала доктором наук, профессором и заведующей кафедрой, членом партии». Но она не отказалась от сына. На все вопросы отвечала: это мой сын, и я буду поддерживать связь с ним, где бы он ни находился.

Встретиться на короткое время им довелось только через шестнадцать лет — в 1987 году, когда она была тяжело больна. Но до самой ее кончины они ежемесячно переписывались и бережно хранили все письма, так же, как и прежде, когда Михаил находился в заключении.

Бабушка, бывшая певица, напутствуя его в дальний путь, посоветовала: «Миша, если там ты не устроишься как хочешь, тебя обязательно возьмут исполнителем песен в любом ресторане, у тебя хороший голос и слух». Когда-то она мечтала сделать из него музыканта, но обучение закончилось сразу: он перерезал струны у фирменного рояля, а сам убежал играть в футбол.

Самые серьезные организационные трудности возникли у Михаила при оформлении выезда его кошки Кати. Он подобрал ее бездомным котенком во дворе своего дома вскоре после прибытия из заключения. Как видно из его стихов, посвященных Кате, именно в то время он сильнее всего испытывал чувство одиночества:

Кошка, не рвись, давай вместе побудем.
Прости, что тебя неволю.
Но я прижимаюсь к тебе не грудью,
А всей своей израненной болью.

Тебе неудобно. Ты увернулась
И мягко ушла от меня по окошку.
За то, что ты мордой меня коснулась,
Я буду тебе благодарен, кошка.

По закону кошка перед выездом за границу должна была провести двадцать дней в карантине. Михаилу на все сборы дали десять дней. За услугу в получении нужной ветеринарной справки на имя Катерины Якобсон пришлось заплатить двадцать пять долларов, четверть «капитала», разрешенного к вывозу из СССР. Эмигрантка Катя сопровождала Михаила за рубежом тринадцать лет. За это время она успела пожить на двух континентах, в двух странах, четырех городах, во многих общежитиях и отелях. И даже сумела получить политическую известность как первая кошка, прорвавшая железный занавес. Ее фотография появилась с этой надписью на обложке детского израильского журнала[14].

Символично, что Михаил отбыл из СССР в свой день рождения, 4 марта 1971 года. Он был одним из шести выехавших в тот день из Москвы репатриантов. (В целом с декабря 1970-го по август 1972 года выпустили 14 тысяч человек.) Демонстрируя важность для Израиля репатриации советских евреев, премьер-министр Израиля Голда Меир[15] и члены правительства приветствовали активистов движения за выезд в одном из больших залов

[14] [Якобсон, Косарева 2017–2018].

[15] В заметке «Катька» [Якобсон, Косарева 2017–2018] он пишет, что Голда Меир встречала группу в аэропорту. Это маловероятно, так как она не встречала даже более известных активистов. Приведенное здесь описание встречи дано по памяти одного из авторов, участника этого собрания.

Иерусалима. В президиуме вместе с ними сидели руководители движения за выезд советских евреев Виталий Свечинский[16] и Борис Цукерман[17], высланные из СССР в декабре 1970 года. Среди приглашенных был и Михаил Якобсон. Те, кто боролись за отъезд уже в 80-е, даже пройдя психушки, тюрьмы и лагеря, о таком приеме могли только мечтать.

Историк

Вскоре после приезда Михаилу предлагали продолжать инженерное образование в Технионе (Израильский технологический институт), но он предпочел изучать историю — семейную профессию и по-настоящему любимый предмет. В 1975 году он закончил бакалавриат и магистратуру в Тель-Авивском университете. Все это время они с женой работали библиотекарями и составляли аннотации публикаций на русском, английском и немецком языках для Института советских проблем при университете[18]. Тема его магистерской диссертации — «Лагерные песни советских заключенных». В нее вошли сто песен, собранных им в Советском Союзе — в лагере и на воле, а также в Израиле от бывших узников ГУЛАГа. Прошло, однако, еще почти двадцать лет, прежде чем он смог полностью посвятить себя тюремному фольклору.

Во время Войны Судного дня в октябре 1973 года Михаил был призван в армию и попал на северный фронт. Части резервистов («милуим») находились во втором эшелоне. Тем не менее в первые же дни он получил осколочное ранение. Эта «огненная черта»[19] — шрам на лбу — осталась памятью о войне на все последующие годы. По пути назад он удивлялся, что в автобусе все уступали ему место. В Израиле его называли «гибор» (силач, герой) и сняли фильм о судьбах прибывших, где он исполнял главную роль, но он уехал до его выхода на экран.

В 1974 году Михаила принимают в аспирантуру Университета Миннесоты в Миннеаполисе, и он с семьей переезжает в Америку. Он получает стипендию, но как иностранный студент не имеет права на работу. Стипендии хватает на оплату обучения и съем жилья. Единственное разрешенное место работы — кампус университета. Михаил устроился посудомоем в столовой. Помогала и жена. По конкурсу ее принимают на работу преподавателем в колледж, что сыграло важную роль в получении гражданства.

После сдачи квалификационных экзаменов, то есть на втором году аспирантуры, Михаил решил заняться исследованием истории ГУЛАГа, но руководитель настаивал на исследовании влияния византийского православия на русское. Отказ от темы мог лишить его и его семью не только поддержки университета, но и права на пребывание в стране. В подавленном настроении он возвращался поздним зимним вечером домой через мост, и тут навстречу ему попался профессор с той же кафедры. Узнав, чем он так расстроен, тот взялся все уладить и взять на себя руководство его диссертацией. Михаил приступил к исследованию истории первых полутора десятилетий ГУЛАГа.

[16] Свечинский Виталий (р. 1931), заключенный в 1940–1950-е годы, дал Михаилу интервью в Хайфе в 1973 году [Джекобсон, Джекобсон 2014: 161, примеч. 5: 354]. От него получен вариант 1 песни «Я помню тот Ванинский порт» [Джекобсон, Джекобсон 2014: 264, примеч. 631: 377].

[17] Цукерман Борис Исаакович, москвич, математик, доктор наук. Его жена — двоюродная сестра священника Глеба Якунина. Прославился «почтовым процессом»: он переписывался с ученым из Лондонского королевского общества. Эти письма перлюстрировали или не пропускали. Судился с Почтой СССР и в 1970 году выиграл дело. Помогал одному из авторов составить текст отказа от советского гражданства. Выслан из СССР в декабре 1970 года.

[18] См. об этом в [Якобсон 2015–2016].

[19] См. эту метафору в стихотворении А. В. Жигулина «Памяти друзей» [Жигулин 1989: 236–237].

В 1980 году он заканчивает аспирантуру и с семьей переезжает в Калифорнию. Там они с женой стали преподавателями Института военных переводчиков в Монтерее. Чтобы иметь больше времени для работы над диссертацией, в 1982 году он устраивается на работу сторожем в городском хозяйстве Сан-Франциско. В том же году, работая над своей темой в библиотеке Стэнфордского университета, он разговорился с научным работником Института Гувера при университете, и, по рекомендации этого человека, его пригласили туда на работу в качестве научного сотрудника и специалиста по архивам.

В Институте Гувера Михаил занимался разбором коллекций социалиста Б. И. Николаевского[20] и Российского посольства в Америке[21] (в 1990-е годы копия коллекции была передана в Россию). При работе над коллекцией Николаевского им были обнаружены оригиналы трех писем Энгельса периода 1886–1893 годов, о чем также написали в «Правде»[22].

Следующий пример показывает, с какой тщательностью он исполнял работу архивариуса. Исследуя бумаги Троцкого, Михаил перелистывал книгу, разглаживая каждую страницу. На одной из них от тепла ладони проявилось неизвестное ранее тайное письмо Троцкого. Об этом открытии телеканал CNN рассказал в своей передаче, главный американский исторический журнал поместил сообщение[23], а газета «Правда» опубликовала заметку[24]. Работая в архиве, он открыл для себя большую не разобранную коллекцию тюремных песен Александра Варди, бывшего заключенного ГУЛАГа. В это время у него снова возникает желание серьезно заняться исследованием тюремного фольклора. Он завершает диссертацию, получает степень доктора философии в 1988 году и меняет работу.

За время, проведенное в Институте Гувера, он стал признанным архивистом, и институт оставляет за ним право вернуться в течение двух лет. Но у него надолго остался неприятный осадок после отказа участвовать в предложенном начальством сценарии изгнания неугодного сотрудника. («Я в Советском Союзе этим не занимался и здесь не буду», — ответил он.). А главное — его гораздо больше привлекает работа в академии: свобода выбора тем исследований и преподавание студентам — и то и другое он очень любил, унаследовав эту любовь от обоих родителей. В 1989 году его приглашают на должность доцента кафедры истории в Университет Западной Вирджинии, а в 1991 году он становится профессором исторического факультета в Университете Толидо (Toledo), штат Огайо.

В 1993 году выходит его книга Origins of the GULAG («Происхождение ГУЛАГа»)[25], которая, по данным отчетов, составленных им для университета, за первые пять лет была процитирована более 160 раз. Издательство Университета штата Кентукки выпустило ее дополнительный тираж в 2014 году[26].

Эта книга, с эпиграфами из песен «Я помню тот Ванинский порт» и «На берегах Воркуты», описывает обойденную академическим вниманием

[20] См. [Bourguina, Jakobson 1989].

[21] Jakobson, M. (1987). Records of the Russian Embassy in the USA, 26:11, Hoover Institution Archives, Stanford University, California.

[22] Обнаружены письма Ф. Энгельса («Правда», 7 февраля 1989 года).

[23] [Reed, Jakobson 1987].

[24] Документ Троцкого найден в Гуверовском институте Калифорнии («Правда», 1987 год). Об этой находке также упоминается в книге [Волкогонов 1992: 275].

[25] См. [Jakobson 1993].

[26] См. [Jakobson 2014].

и общественной памятью борьбу ОГПУ, наркомата юстиции и наркомата внутренних дел за места заключения в 1920-е годы, от которой в языке осталось только название «исправительно-трудовые» (лагеря). Ведомство юстиции считало своей главной задачей исправление и воспитание заключенных. Ведомство внутренних дел и ОГПУ настаивали на самоокупаемости.

Окончательная победа ОГПУ — НКВД обернулась созданием Беломорканала, Дальстроя и других карательных трудовых лагерей, где заключенные работали и погибали в невыносимых условиях. Она подвела экономическое «обоснование» под массовые репрессии, первый пик которых (и фазовый переход в системе лагерей)[27] пришелся на коллективизацию. Джекобсон пишет: «Происхождение советской системы тюрем выводили из марксизма, ленинизма, октябрьской революции, гражданской войны и Сталина. Их степень ответственности за это настолько велика или мала, насколько они были причиной коллективизации. Возможно, ни одно отдельное событие не изменило настолько жизнь большинства русского народа со времени татарского завоевания в тринадцатом веке»[28].

В Университете Толидо Михаил работал 22 года, с 1991 по 2013 год. За это время студенты удостоили его наград за его ответственную и интересную работу в качестве преподавателя, а также консультанта и руководителя работ студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Он заботливо относился к судьбе своих студентов. Например, когда с одним из его аспирантов случилось несчастье — он попал в тюрьму, — Михаил настоял на продолжении его работы над диссертацией. Для этого он добился разрешения тюремного начальства на передачу аспиранту книг и прием экзаменов по телефону. При этом, по договоренности, надзиратель стоял у заключенного за спиной и после ответа на каждый вопрос подтверждал комиссии, что тот никуда не заглядывал. После выхода из тюрьмы этот аспирант успешно защитил диссертацию.

Всем своим студентам он писал рекомендательные письма и, если требовалось, проводил личные беседы с их будущими работодателями. Он также давал студентам свой телефон и отвечал на вопросы в любое время, даже в ночь перед экзаменом. В таком разговоре он мог пересказать весь курс.

Он неоднократно избирался в факультетские и университетские комитеты и нередко возглавлял их; был представителем исторического факультета в Сенате университета и Совете по науке и искусству. В качестве Professor Emeritus он вышел на пенсию в 2011 году, но еще несколько лет преподавал и консультировал по интернету.

Фольклорист

В начале 1990-х Михаил возвращается к своему первому исследовательскому проекту — тюремному и лагерному фольклору. В 1992–1994 годы он посещает Москву и собирает материалы в библиотеке им. Ленина, знакомится с архивом песен Э. Успенского, Э. Филиной и других коллекционеров, выступает в передаче «В нашу гавань заходили корабли» и работает с «Мемориалом». Здесь же за чашкой чая в июне 1993 года, в последний

[27] «В 1928 г. 300 000 человек были приговорены к тюремным срокам» [Jacobson 1993: 83]. «Число заключенных в стране в мае 1933 г. было не меньше 2,6 миллиона» [Jacobson 1993: 107]. Впоследствии Джекобсон предупреждал: так как работа писалась до открытия архивов, то данные по количеству заключенных подверглись уточнению. И для использования правильных цифр просил обращаться к более поздним работам других авторов, например: [Смирнов 1993].

[28] См. в [Jakobson 1993: 143].

день перед отлетом, он знакомится с будущей женой Лидией Косаревой и через двадцать минут делает ей предложение. Выполненная ими в период 1993–2013 годов совместная работа «Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник»[29] представляет на сегодня наиболее полное собрание и обзор текстов тюремного фольклора. Этот главный труд его жизни стал настольной книгой для каждого российского фольклориста, занимающегося песнями XX века. Песни, оставшиеся в памяти с юности[30], а также записанные на свободе в России и в эмиграции, были дополнены огромным корпусом текстов из архивных материалов и публикаций, многие из которых были неизвестны или недоступны российскому читателю. Среди них — коллекции Якова Вайскопфа, Александра Варди, Владимира Юрасова, а также цитаты из сотен произведений бывших заключенных, опубликованных от Франкфурта до Шанхая, от Нью-Йорка до Буэнос-Айреса. Список источников к книге Майкла и Лидии Джекобсонов превышает 440 наименований.

Крайне интересен также комментарий, отражающий глубокое, детальное знание о событиях и условиях, в которых возникли эти песни. Здесь не только наличие дат и других исторических фактов, но и экономика, социология, психология и даже география и геология мест заключения. И хотя можно задумываться над тем, правомерна ли сама задача датировки текста, который живет столетиями, в разное время подвергаясь переделкам, редакциям и ошибкам декодирования, возможность сопоставить интервал времени обороту речи во многих случаях проясняет динамику фольклора.

Труд супругов Джекобсон ненамеренно дополняет вышедший в 1989 году, за десять лет до их первого тома, «Справочник по ГУЛАГу» Жака Росси[31], одной из основных тем которого является речевая культура тюрьмы. Поскольку минимальный размер текста Джекобсонов (одно четверостишие) совпадает с максимальным размером у Росси, эти две публикации почти не повторяют друг друга. Вместе они покрывают значительную область тюремной поэтической речи, от метафор в одну лексему до полных литературных форм.

Любой ученый, естественно, стремился бы обобщить работу такого масштаба. Но там, где филолог поместил бы тюремный фольклор в рамки общенародного, историк расширяет этот материал до темы преступления и наказания во всей наблюдаемой русской фольклорной поэзии, от былин о Василии Буслаеве и Илье Муромце до революционных «песен борьбы» — этому посвящена работа Джекобсонов «Преступление и наказание в русском песенном фольклоре»[32].

Удивительна взвешенность этой книги, в которой и государство, и его оппоненты (казаки, староверы, интеллигенция и другие) в равной степени оказываются достойными понимания и уважения, особенно со стороны автора, который, как мы знаем, «диалектику учил не по Гегелю». Опыт исследователя государственных институтов в ней гармонически дополняется личным опытом.

Меняющееся отношение к преступлению в старых (до XIX века) и новых (XIX века) песнях описано им так: «Старые песни, как правило, осуждают преступления. Новые песни часто оправдывают их ‹…›. В старых ‹…› как правительство,

[29] [Джекобсон, Джекобсон 1998, 2001, 2014].

[30] Например, «Турки думали, гадали» [Джекобсон, Джекобсон 2014: 60, 335], «А здесь у нас хорошая погода» [Там же: 161, 353]), услышанные в тюрьмах и лагерях [Там же: 52] и многие другие.

[31] См. [Росси 1987].

[32] См. [Джекобсон, Джекобсон 2006].

так и разбойники считали переход разбойников на службу правительству вполне приемлемым. Ни в одной новой песне преступники не предлагают сотрудничать с правительством. В песнях же XX века такое сотрудничество считается одним из самых серьезных нарушений правил уголовного мира»[33].

А вот как он понимал «причины популярности песен заключенных»: «При благоприятных обстоятельствах крестьяне могли бы превратиться в консервативную опору закона и правительства, как это случилось в большинстве стран Европы. Последующие события, однако, усилили одно из наиболее негативных последствий крепостного права — отчуждение крестьян от власти. Насильственная коллективизация ‹…› была воспринята ими как восстановление крепостного права, которое на этот раз распространялось не на половину… а на 80 процентов населения»[34].

В беседах он часто вспоминал указ Петра III «О вольности дворянства» (1762) как источник напряжения, которое в конечном счете взорвало общество. Он говорил, что как только дворян освободили от службы государству, надо было в ту же минуту освободить крестьян, так как иначе возникало неравенство обязанностей. Этим отторжением власти он объяснял сочувствие простого человека заключенным и даже самоотождествление с ними.

Завершение

Когда труды Михаила по фольклору были изданы и признаны, снова настало время перемен. В конце нулевых годов он покинул устроенную счастливую жизнь в Толидо, где все его знали, и вернулся к расположенной на стыке плит маленькой станции — в южный городок с видом на гору, где тысячи чаек, гусей, пеликанов гнездятся рядом с беспилотными автомобилями Google и квантовыми компьютерами НАСА. Соединяющая их прямая проходит через его дом. До места, где в 1950-е начали делать первые силиконовые транзисторы, — примерно четверть часа пешком.

Здесь он еще десять лет «наслаждался волюшкой вольною» в обществе старых и новых друзей, приходивших петь и есть у гостеприимных хозяев, «Миши и Лиды». В этом доме даже в двенадцать часов дружеские споры не нарушали радости встреч. И он, и подруги, и друзья, приходившие на эти вечера, бывало, пели:

Вот получим диплом,
Хильнем в деревню,
Будем нюшек барать,
Их визгу внемля...

Пели здесь, конечно, и «Ванинский порт», и «На Колыме», и «На Молдаванке»...

Юмор, игра слов, рассказы, веселье всегда сопутствовали Михаилу Якобсону. Смех то и дело вспыхивал в разговоре. Продукты он закупал по карточке магазина, оформленной на имя своего кота Vaska Jacobson.

Доброта его была безгранична, с ней могли равняться только честность и прямота. Многие отмечали, что мягкость и дружелюбие сочетались у него с твердым моральным ядром. Он никогда не забывал о тех, кто оказался менее удачливым. Он кормил ремонтных рабочих обедом и прощал

[33] [Джекобсон, Джекобсон 2006: 21].
[34] [Джекобсон, Джекобсон 2006: 14].

им недоделки. Он писал рекомендации тем, кто искал работу. И конечно, не отказывался, когда его приглашали рассказать о фольклоре. Одно из таких выступлений он и один из авторов провели вместе.

А когда дошло до последнего испытания, он еще полгода — до 28 декабря 2019 года — боролся за жизнь, нарушая все правила и превосходя все ожидания. Отказались медики и поставили на нем крест. Прочел отходную молитву больничный капеллан. Исчерпались лимиты ухода на дому. А он продолжал жить и до последнего дня просил включать записи его любимых лагерных песен.

Литература

Волкогонов, Д. А. (1992). *Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 2*. М.: Новости.

Джекобсон, М., Джекобсон, Л. (1998). *Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник: 1917–1939*. М.: Современный гуманитарный университет.

Джекобсон, М., Джекобсон, Л. (2001). *Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник: 1940–1991*. М.: Современный гуманитарный университет.

Джекобсон, М., Джекобсон, Л. (2006). *Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917 года)*. Саратов: Изд-во СГУ.

Джекобсон, М., Джекобсон, Л. (2014). *Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник: 1917–1991*. М.: РГГУ.

Жигулин, А. В. (1989). *Черные камни*. М.: Книжная палата.

Неклюдов, С. Ю. (2020). Майкл Джекобсон / Михаил Якобсон (1939–2019). *Фольклор: Структура, типология, семиотика, III*(1), 214–218.

Простоволосова, Л. Н. (2009). Александра Тимофеевна Николаева. Работа и жизнь. *Делопроизводство, 2009*(3), 104–110.

Росси, Ж. (1987). *Справочник по ГУЛАГу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом*. London: Overseas publ. interchange Ltd.

Смирнов, М. В. (1993). Система мест заключения в РСФСР и СССР 1917–1930. В М. В. Смирнов. *Система исправительно-трудовых лагерей 1923–1960 в СССР. Справочник*, 10–24. М.: Звенья.

Якобсон, М. (1983). Карзубый. Лагерная повесть. Париж — Нью-Йорк: Третья волна.

Якобсон, М. (2015–2016). Правда хорошо, а везенье лучше. В А. Ходос, М. Золотаревская. *Образы жизни. Литературный альманах*, 170–172. Сан-Франциско.

Якобсон, М., Косарева, Л. (2017–2018). Катька. В А. Ходос, М. Золотаревская. *Образы жизни. Литературный альманах*, 79–80. Сан-Франциско.

Bourguina, A., Jakobson, M. (1989). *Guide to the Boris I. Nikolaevsky collection in the Hoover Institution archives. Part I*. Compiled by Anna M. Bourguina and Michael Jakobson. Part II. Compiled by Michael Jakobson. Stanford: Hoover Institution, Stanford University.

Jakobson, M. (1993). *Origins of the GULAG: prison camp system, 1917–1934*. Lexington: University Press of Kentucky.

Jakobson, M. (2014). *Origins of the GULAG: prison camp system 1917–1934*. Lexington: University Press of Kentucky.

Reed, D., Jakobson, M. (1987). Trotsky papers at the Hoover Institution: One chapter of an archival mystery story. *American Historical Review, 92*(April 1987), 363–375.

References

Bourguina, A., Jakobson, M. (1989). *Guide to the Boris I. Nikolaevsky collection in the Hoover Institution archives. Part I*. Compiled by Anna M. Bourguina and Michael Jakobson. Part II. Compiled by Michael Jakobson. Stanford: Hoover Institution, Stanford University.

Jakobson, M. (1983). *The Toothless. A labour camp tale*. Paris — New-York: Tret'ya volna. (In Russian).

Jakobson, M. (1993). *Origins of the GULAG: prison camp system, 1917–1934.* Lexington: University Press of Kentucky.

Jakobson, M. (2015–2016). Truth is good but luck is better. In A. Khodos, M. Zolotarevskaya. *Images of life. A literary miscellany,* 170–172. San Francisco. (In Russian).

Jakobson, M., Jakobson, L. (2014). *Soviet prison and labor camp folk songs as a historical source (1917–1991).* Moscow: RGGU. (In Russian).

Jakobson, M., Jakobson, L. (1998). *Folk songs of the GULAG as a historical source (1917-1939).* Moscow: Sovremenniy gumanitarniy universitet. (In Russian).

Jakobson, M., Jakobson, L. (2001). *Folk songs of the GULAG as a historical source (1940-1991).* Moscow: Sovremenniy Gumanitarniy Universitet. (In Russian).

Jakobson, M., Jakobson, L. (2006). *Crime and punishment in Russian folk songs (before 1917).* Saratov: Sovremenniy Gumanitarniy Universitet. (In Russian).

Jakobson, M., Kosareva, L. (2017–2018). Katie. In A. Khodos, M. Zolotarevskaya. *Images of life. A literary miscellany,* 79–80. San Francisco. (In Russian).

Jakobson, M. (2014). *Origins of the GULAG: The Soviet prison camp system 1917–1934.* Lexington: University Press of Kentucky.

Neklyudov, S. (2020). Michael Jakobson / Mikhail Jakobson (1939–2019). *Folklore: Structure, Typology, Semiotics, III*(1), 214–218. (In Russian).

Prostovolosova, L. (2009). Alexandra Timofeevna Nikolaeva. Life and work. *Deloproizvodstvo, 2009*(3), 104−110. (In Russian).

Reed, D., Jakobson, M. (1987). Trotsky papers at the Hoover Institution: One chapter of an archival mystery story. *American Historical Review, 92*(April 1987), 363–375.

Rossi, J. (1987). *The GULAG Handbook: An encyclopedia dictionary of Soviet penitentiary institutions and terms related to the forced labor camps*. London: Overseas publ. interchange Ltd. (In Russian).

Smirnov, M. (1993). Penitentiary institutions system in the RSFSR and USSR in 1917–1930. In M. Smirnov. *Forced labour camps system in the USSR in 1923–1960. A handbook*, 10−24. Moscow: Zven'ya. (In Russian).

Volkogonov, D. (1992). *Trotsky. A political portrait. In 2 books. Book 2*. Moscow: Novosti. (In Russian).

Zhigulin, A. (1989). *The black stones*. Moscow: Knizhnaya palata. (In Russian).